

долей и распоряжались ими вполне свободно; между прочимъ, существовалъ обычай дѣлать вклады въ монастыри съ тѣмъ, чтобы самъ вкладчикъ и его дѣти имѣли право жить и пользоваться всѣмъ необходимымъ вмѣстѣ съ монастырскою братіею. Впослѣдствіи монастыри, оставивъ за собою земельные и прочіе вклады, стали выгонять вкладчиковъ, какъ „разорителей и грабителей“. Нѣкоторые монастыри были долго крестьянскими, мірскими, пока не отбирались въ пользу духовенства. Постепенно разлагалось деревенское устройство, по мѣрѣ увеличенія населенія и возрастанія гнета со стороны сильныхъ владѣльцевъ, монастырей и государства; крестьяне стали терять свободу, хотя поземельныя права ихъ оставались прежнія. Разложившееся долевое владѣніе перешло, однако, не въ участковое, а въ общинное, при сильномъ содѣйствіи государственныхъ мѣръ. Межевыя инструкціи прошлаго столѣтія прямо выразили идею о принадлежности всѣхъ крестьянскихъ земель государству и о необходимости передѣловъ для равномернаго распредѣленія податныхъ средствъ и тягостей между поселянами; при этомъ посадскіе люди изгонялись изъ деревень. Эти инструкціи являются „настоящими декретами конвента“. Родовыя, собственныя земли отдѣльныхъ крестьянъ должны были идти въ передѣлъ, что могло быть осуществлено фактически только въ началѣ тридцатыхъ годовъ, послѣ многихъ энергическихъ предписаній. При всемъ томъ авторъ указываетъ съ настойчивостью на то, что деревня обращалась въ общину именно сама собою“ (стр. 362). Изъ прошлыхъ судебъ крестьянства выводится, между прочимъ, урокъ для будущаго: „народная жизнь не есть пустота, которую можно по произволу наполнять какимъ угодно содержаніемъ“.

Въ концѣ своего интереснаго и добросовѣстнаго изслѣдованія г-жа Ефименко неожиданно поражаетъ читателя сомнѣніемъ въ томъ, „отыщется ли таковой“ вообще, т.-е. прочитаетъ ли кто-нибудь ея работу. Въ предисловіи она уже напередъ объясняетъ причины, почему трудъ этотъ не могъ и не можетъ заинтересовать собою читающую публику. Между тѣмъ, автору слѣдовало только вспомнить, что статья печаталась въ „Русской Мысли“ по частямъ и что большинство читателей могло ожидать окончанія ея или изданія отдѣльною книгою, для болѣе удобнаго чтенія. Какъ бы то ни было, авторская скромность г-жи Ефименко, подсказывающая ей невѣроятныя предположенія, является рѣдкимъ и страннымъ исключеніемъ среди обычныхъ литературныхъ самолюбій.